

гументов в поддержку одного и того же тезиса позволило бы четче представить особенности сравниваемых культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественная языковая аргументация в логике практического рассуждения. // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. Москва, 1988.

Бурдые П. За ангажированное знание. Пер. с фр. Михаила Бухарина. // Неприкосновенный запас, 2002, № 5 (25). <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.html>

Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. Москва, 1998.

Зернецкий П. В. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект. // Методология исследований политического дискурса. Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Вып. 2. Минск, 2000.

Лассан Э. Р. Лингвистика как ангажированное знание. 2006. <http://ling.x-artstudio.de/st6.html>

Мигунов А. И. Теория аргументации как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации. // Коммуникация и образование. Под ред. С. И. Дудника. Санкт-Петербург, 2004. http://anthropology.ru/ru/texts/migunov/educomm_10.html

Эко У. Имя розы. Санкт-Петербург, 2006.

ИСТОЧНИКИ

Единая Россия: www.edinoros.ru 7, 28.10., 1, 26.12.2003; www.boris-gryzlov.ru 3.12.2003; www.edin.ru 27.01.2004; www.vbogomolov.ru 29.03.2005.

Коммунистическая партия Российской Федерации: www.kprf.ru 12.09., 28.10., 2.12.2003 г.

Либерально-демократическая партия России: www.ldpr.ru; Т.Пахомова. Интервью с В.Жириновским. Газета «ЛДПР» №12, 2003

© Макарова В. В., 2006

Пшенкин А. А.

Барнаул, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СССР / РОССИИ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

The paper focuses on the analysis of basic metaphorical models representing the image of the USSR / Russia in American and contemporary Russian political discourse. The analysis reveals the dynamic nature of metaphorical image of Russia in American political discourse. It also argued that some American and Russian metaphorical models are common while others are culturally peculiar.

***

Общеизвестно, что язык является не только продуктом познавательной деятельности человека, но одновременно и одним из главных способов осуществления этой деятельности. Еще до усвоения языка человек обладает определенным запасом знаний о мире, и «усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает» [Павилёнис 1983: 101]. Довербальное восприятие мира, или «первичная система репрезентации» (термин, употребляемый А. В. Кравченко), образует модель мира, основан-

ную на чувственных данных, памяти и др., а «вторичная система репрезентации дает модель этой модели, в которой мир и наши действия в нем выражаются или потенциально могут быть выражены словами» [Кравченко 1996: 14]. То есть чувственное восприятие мира накладывается на концептуальную репрезентацию, а затем эта концептуальная репрезентация накладывается на языковую. Однако концептуальные репрезентации представителей разных лингвокультурных сообществ, а также индивидов внутри одного сообщества обнаруживают ряд различий, и это, по-видимому, является результатом влияния на осуществляемый субъектом процесс категоризации окружающего мира целого конгломерата факторов. По мнению Дж. Лакоффа, наряду с культурно-специфическим опытом, получаемым индивидом в результате взаимодействия с внешним миром, на процесс категоризации, оказывают также влияние метафоры, метонимии и другие средства ментальной образности [Лакофф 2004: 23]. Метафора – это универсальное явление в языке [Гак 1988: 11], в разных языках можно наблюдать сходство образов, параллелизм в метафорических переносах, что может являться следствием антропоцентризма языка. Другим возможным объяснением данного феномена является **медиатизация мышления индивида**. Под медиатизацией мы, вслед за И. В. Рогозиной, понимаем «процесс и результат воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающийся в формировании картины мира посредством специфически медийных когнитивных структур познания и представления реальности – возникающих при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством» [Рогозина 2003: 122]. Агентства новостей и представители печатных изданий и телевизионных компаний, описывая ключевые события, происходящие в мире, обращаются к одним и тем же источникам и зачастую используют одни и те же удачные образы и метафорические переносы, которые затем переводятся на разные языки, оказывая определенное влияние на картину мира адресатов. Это особенно актуально для политического дискурса в силу того, что обычный человек не всегда в состоянии разобраться в причинах совершающихся событий, и в этом ему помогают профессиональные политики и журналисты. Названные факторы обуславливают наличие глобального, общемирового интердискурса [термин Т. В. Шмелевой, цит. по: Чудинов 2003], включающего одинаковые или похожие доминантные метафорические модели. Для получения статуса доминантной, метафорическая модель должна обладать следующими характеристиками: высокая частотность использования; развернутость; использование соответствующих метафор в разных частях текста; использование не только стандартных, но и ярких индивидуально-авторских образов; детализация фреймов; использование

ресурсов интертекстуальности; применение разнообразных стилистических фигур [Чудинов 2004].

Совсем необязательно наличие в тексте одной доминантной модели, чаще всего их несколько, и они могут иметь своими источниками фреймы, относящиеся к различным сферам опыта. Приняв за основу названные характеристики доминантных метафорических моделей, участвующих в создании метафорического образа государства, нами было отобрано и проанализировано около 2 000 примеров из печатных и электронных СМИ, а также книг американских авторов, посвященных политической ситуации в СССР / России в период с 50-х гг. XX века по настоящее время.

Давно отмечено, что человеческое тело служит плодородной почвой для метафорической категоризации опыта [Ульман 1970, Телия 1988 и др.]. Как в американском, так и в современном российском политическом дискурсе фрагменты фрейма «человеческий организм» используются авторами для образования метафор, имеющих различные концептуальные векторы [говоря о российском политическом дискурсе, мы опираемся на работы А.П. Чудинова: Чудинов 2001а, 2001б, 2003, 2005]. В американском политическом дискурсе фрагменты данного фрейма чаще, чем слоты других фреймов, являются сферами-источниками метафор. Метафора «организм», используемая в политическом дискурсе для описания государства благодаря своей наглядности и доступности для широкой аудитории. Как в российском, так и в американском политическом дискурсе в качестве сфер-источников подобных метафор выступают такие фрагменты фрейма «человеческий организм», как здоровье и физическая сила. Они используются для описания военного и экономического потенциала СССР и России, что позволяет упростить понимание сложных, невидимых феноменов рядовым обывателем и создать определенный, нужный автору образ государства.

При помощи метафоры «организм» в разные исторические периоды СССР и Россия изображаются, то как агрессивный гигант, то как карлик, стоящий в тени другого гиганта – США. Приведем несколько примеров: On Aviation Day 1955 the Soviets flexed awesome military muscles by flying unit after unit of new jet planes over Moscow [LaFeber 1985: 173]. Однако, по мнению американцев, какой бы внушительной ни была мускулатура гиганта, они смогут одолеть его в короткий промежуток времени. No matter what muscles and sinews the Soviet Union has, as well as new weapons, if war broke out between the U.S. and Russia tomorrow the U.S. would probably win, and perhaps win quickly [Gunther 1957: 497]. Putin has sought to use the Middle East conflict to help restore Russia's stature on the international stage, where its presence is dwarfed by the United States [Washington Post, April 27, 2005].

Метафоры, сферами-источниками которых являются фрагменты фрейма «человеческий организм» представлены в значительном объ-

еме и в отечественном политическом дискурсе. Напр.: Нужно посмотреть, как мы будем развиваться в случае такого полуголодного пайка, какие мускулы нужно тренировать и на каких тренажерах, – заметил Фрадков [Российская газета, 16.03.2006].

Проблемы в стране могут описываться в терминах заболеваний. В силу того, что наличие проблем является неизбежным, метафорические выражения, относящиеся к модели СССР / РОССИЯ (КОММУНИЗМ) – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ (БОЛЕЗНЬ), всегда присутствовали в американском политическом дискурсе. С вступлением России в череду кризисов и потрясений метафорические выражения, сферой-источником которых являются фреймы «болезнь» и «смерть», становятся частотными и в отечественном политическом дискурсе.

Фрейм «заболевание» и связанные с ним фреймы и сценарии часто используются в качестве сферы-источника метафорических выражений в политическом дискурсе времен «холодной войны» [Medhurst 1990]. По мнению Д. Фейлер, подобные метафорические выражения использовались для создания противопоставления [Feiler 1996], когда одной стороне приписывались только положительные свойства, а другой – только отрицательные. Идея заключалась в создании у реципиента ощущения потери контроля над окружающим его миром, внушение мысли о серьезности возникшей проблемы и возможности наступления катастрофы. С этой целью с самого начала «холодной войны» коммунизм, государственная идеология Советского Союза, представлялся как нечто заразное, то, что необходимо сдерживать, в противном случае он может погубить весь мир. На примере метафорической модели КОММУНИЗМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ и, соответственно, СССР – ЭТО РАССАДНИК БОЛЕЗНЕЙ / БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ можно увидеть реализацию прескриптивной функции метафоры, являющейся ведущей в политическом дискурсе. Обратимся к фактическому материалу: World Communism is like a malignant parasite which feeds only on diseased tissue [Callahan 1990: 69].

Если во время холодной войны при помощи лексем, относящихся к семантическому полю «болезнь», описывалось распространение в мире коммунистических идей, то в 80-е гг. XX столетия сферой-целью подобных метафорических выражений является обстановка внутри Советского Союза. Подобные выражения способствуют созданию образа государства, находящегося в глубочайшем кризисе и захлестываемого целым потоком проблем. He is profoundly sincere in wanting to rescue the Soviet system from a terminal illness [Time, December 18, 1989].

В американском политическом дискурсе 90-х гг. проблемы в России все также описываются как недуги, от которых страдает человек. He has applied remedies that are as painful as they are necessary [Time, December 7, 1992]. A summer of paralysis took its toll [Time, October 4, 1993].

В современном российском политическом дискурсе данная метафорическая модель имеет тот же концептуальный вектор, что и в американском. Нелегко выстраивать вертикаль власти, если власть больна тромбозом [Литературная газета №7-8, 2006]. Чечня кровоточила, губернаторы своевольничали, армия разлагалась [Аргументы и факты №4, 2006]. И это дает надежду, что демократия еще дышит... [Аргументы и факты №7, 2006].

По-видимому, благодаря существующей в США на протяжении столетий свободе слова и реальной, а не ритуализованной политической коммуникации, был выработан ряд негласных правил, в соответствии с которыми развивается политический дискурс. Представляется, что одним из таких правил является табу на употребление сексуальных метафор, получивших широкое распространение в российском постперестроечном дискурсе. Эмотивные смыслы агрессивности, опасности, нарушения нравственных норм и традиций, выражаемые данной моделью, передаются в американском политическом дискурсе при помощи других, менее эпатажных публике моделей. Это может быть объяснено наличием различных наборов ценностей, что и обуславливает использование фреймов и сценариев из различных областей опыта в процессе концептуализации и категоризации представителями разных лингвокультурных сообществ одних и тех же явлений внешнего мира. Приведем ряд примеров из отечественного политического дискурса: Новую Думу осеменяют в Кремле [Аргументы и факты №3, 2000]. Вся Россия под Медведем [Комсомольская правда, 4.12.2003].

В российском и в американском политическом дискурсе присутствуют аналогичные метафорические модели, сферами-источниками которых являются фреймы, относящиеся к субсфере «Социум». Субсфера – это конструкт, создаваемый исследователем в целях группировки метафорических моделей, сферы-источники которых объединены вокруг определенного концепта. Субсфера – это своего рода гиперфрейм, в который будет включена информация о типичных ситуациях и возможных сценариях, связанных с определенным концептом.

Милитарные метафоры, являясь конфликтными, отражают характерные черты политики как вида общественной практики, а в моменты кризиса помогают создать образ внешнего врага и консолидировать население для борьбы с ним. По мнению Демьянкова В. З. [Демьянков 2003: 130], для того чтобы быть эффективным, политический дискурс должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий. Выступающие обычно предполагают, что адресат знает, к какому лагерю относится, какую роль играет и в чем эта роль состоит. Как и действия на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника – вооружения (т.е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента). Поэтому присутствие данной модели в американском политическом

дискурсе времен «холодной войны» не является чем-то необычным. Доминирование данной модели является подтверждением мнения А. Н. Баранова о наличии в дискурсе конфликтных метафор как особенности кризисного мышления [Баранов 2004]. Следующий пример достаточно ярко характеризует отношение к СССР в разгар «холодной войны». The contestants have confronted each other, they have shouted threats and abuse at each other, they have flexed their military muscles to intimidate each other – but they have not struck at each other. One side or the other has sometimes advanced or backed off a few inches [Halle 1967: 8]. СССР и США изображаются как два агрессивно настроенных соперника, пытающихся запугать и превзойти друг друга в различных областях, но не начинающих драку ввиду возможных серьезных последствий.

Для американского правительства было непросто пересмотреть свое отношение к Советскому Союзу, потому что на протяжении послевоенных лет восприятие активности СССР структурировалось под влиянием концептуальной области «война / конфликт». «We must realize», Lovett told the group, «that we're now in a mortal conflict, that we're now in a war worse than any we have experienced» [Callahan 1990: 108].

Во время перестройки сферой-целью метафорических выражений, относящихся к милитарной модели становится преимущественно обстановка внутри Советского Союза, а не отношения двух стран. Таким образом, можно говорить о том, что СССР более не представлялся врагом, необходимость уничтожения которого диктовалась инстинктом самосохранения, он скорее воспринимался как поле, на котором происходит множество вооруженных схваток. Кроме того, американский политический дискурс отреагировал на снижение военных затрат в СССР тем, что он более не воспринимался как устрашающий гигант. Советский Союз являл собой довольно жалкое зрелище капитулировавшего солдата, неспособного к дальнейшей борьбе. This atavistic trend is a direct result of the Soviet capitulation in the cold war [Time, July 15, 1991].

Отношения политиков в данном историческом периоде изображаются как война, где есть обороняемые позиции, войска идут в бой или отступают, а общая обстановка грозит взрывом. Это, по нашему мнению, не только характеризует ситуацию в стране, но и отражает конфликтность политики как вида общественной деятельности. Yeltsin is trying to outflank and deflate the central authorities in Moscow with his own alternative to the Union Treaty [Time, February 4, 1991]. When George Bush took office in January 1989, Gorbachev was in retreat. But was it permanent or tactical? [Time, August 5, 1991].

В американском политическом дискурсе, совпавшем с периодом перестройки, метафоры, использующие в качестве источника фрейм «война», описывают бурные события из политической жизни СССР и России конца XX века. Политики ведут друг с другом ожесточенные бои

и формируют военные союзы. Yeltsin has signaled he'll fight for his government at the Congress, but his success could depend on what alliances are formed between warring political factions [Time, December 7, 1992]. The West has shown sympathy and unanimous support for embattled reformers who have bent the rules, especially if the alternative is total chaos and restoration of communist rule [Time, October 4, 1993].

В последние годы авторы стали прибегать к помощи милитарных метафор для описания отношений правительства и крупного бизнеса. Используются слоты «виды боевых действий», «иерархические отношения военнослужащих» и другие. And it looked less like a fight against oligarchs per se than a campaign against particular oligarchs. There may be wisdom in this approach, as a fight against all simultaneously could not be won. But it does suggest that the battle against corruption under a President Lebed would have a distinctly Yeltsinian flavor [Foreign Policy, Winter 1999-2000]. But the attack on Yukos, once Russia's largest private oil company has crimped its record production growth, and prompted worries about the safety of property rights [New York Times, May 25, 2005].

В современном российском политическом дискурсе милитарные метафоры используются для описания как политической жизни, так и отношений хозяйствующих субъектов. Угрозы министра Г. Грефа, похоже, нисколько не мешают бывалым бойцам «бизнес-войн», как и прежде, жить на широкую ногу [Аргументы и факты №7, 2006]. Впрочем, на Путина мудрые евреи сильно не обижаются: они отлично знают, в какой точке современного мира принимаются роковые решения. Нельзя укорять полковника за то, что он в точности выполнил приказ маршала [Загадка Владимира Путина. – Internet].

Спортивные и игровые метафоры, в которых Россия изображается как соперник США, подчеркивают состязательность в отношениях между двумя странами. The Soviet Union actually outpaced the United States in coal, steel, and cement production, and was the world's largest oil producer [LaFeber 1985: 293].

В данном примере СССР – это соперник, обогнавший США в гонке. В данном случае метафорическое выражение используется для сравнения экономических показателей двух стран. Здесь мы можем говорить о пересечении двух типов дискурса – экономического и политического. Экономическая мощь государства является фактором, сказывающимся на способности государства участвовать в происходящих в мире политических процессах, следовательно, и на восприятии его другими мировыми державами.

Спортивные и игровые метафоры также используются для описания событий политической жизни в самой России. Within the party there may be younger men who will overtake him when he slows or stumbles [Time, January 6, 1958]. Far from throwing in the towel, Gorbachev came out fighting, lambasting the leaders of Russia, Belorussia, and Ukraine for their declaration of a 'commonwealth' to replace the U.S.S.R. [Time, December 23, 1991].

Представляется важным отметить тот факт, что концептуальный

вектор подобных метафор не является столь отрицательным, как у тех, которые входят в милитарную модель. На основании обработанного фактического материала можно сделать вывод о наличии в американском политическом дискурсе большого количества метафорических выражений, сферой-источником которых являются вербализованные фрагменты фрейма «настольная игра». Фреймы «шахматная партия» и «игра в покер» часто употребляются для описания международной политики, что отражает ее восприятие в американском обществе.

В следующем примере, взятом из политического дискурса 1940-х гг., СССР представлен как азартный игрок, которому необходимо помешать, так как ставка в игре является очень высокой. «The Soviet Union was playing one of the greatest gambles in history at minimal cost», Acheson concluded. «We and we alone are in a position to break up the play» [LaFeber 1985: 53].

В следующем примере представлен фрагмент беседы Р. Никсона и Н.С. Хрущева. Спор о преимуществах коммунистической или капиталистической системы – это партия в бридж, в которой соперники делают все, чтобы не отдать друг другу взятки. Картами в данном примере являются факты, а взятками – доказательства несостоятельности доводов оппонента. «You know we are having a steel strike», said he [Nixon], finessing a certain Russian high card [Time, August 3, 1959].

Данный тип метафорических выражений встречается и в российском политическом дискурсе. В нем фрагменты фреймов «спортивный матч» или «настольная игра», используемые в качестве источников метафор, указывают на борьбу и соперничество между партиями и отдельными политическими фигурами, а в некоторых случаях используются для указания на несерьезность решений, принимаемых политическими деятелями и политики как общественного института. Обратимся к примерам: Политика – это бои без правил [Известия, 27.01.2006]. Страна неслась к пропасти, а глава государства тем временем работал с документами в ЦКБ или капризно тасовал кадровую колоду [Аргументы и факты №4, 2006]. Из первой геополитической лиги, где играют региональные державы (уровня Индии или Бразилии), мы перешли во вторую, где борются за место в плацкартном вагоне истории государства образца Парагвая или Алжира [Бизнес Владимира Путина. – Internet].

В последнем примере пересекаются метафорические модели ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ, а также РАЗВИТИЕ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Автор данного примера использует иерархию, существующую в спортивном мире, для указания на положение, занимаемое на мировой арене Россией.

В следующем примере в качестве сферы-источника автор использует сценарий, по которому развивается известная телеигра. Пример является довольно ироничным, потому как речь в нем идет о человеке, занимающем первую строчку в рейтинге российских миллиардеров.

Теперь перед губернатором открыто несколько путей. Во-первых, он может сделать звонок другу – с полученными средствами он, совместно с другими лояльными российскому правительству бизнесменами, сможет реализовать очень крупномасштабные проекты. Во-вторых, он может попросить помощь зала, благо что общественность Чукотки на него в буквальном смысле молится. Тогда Роман Абрамович станет губернатором во второй раз и найдет, куда вложить свои средства в своем же регионе. И, в-третьих, счастливчик может взять деньги и попытаться, как и многие до него, покинуть эту не очень приветливую северную страну [Самая удачная сделка Абрамовича. – Internet].

В силу ряда причин метафорическая модель ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗ-НЕС, имеющая историю употребления в американском политическом дискурсе, лишь недавно стала активно использоваться в качестве источника метафорических выражений в дискурсе отечественном. В американском политическом дискурсе данная модель используется для изображения СССР как бизнесмена, вступающего в деловые отношения с другими бизнесменами. Использование этой модели позволяет компенсировать ограниченность спортивной и игровой моделей. В соответствии с ними все политические события, включающие конфликты или элементы противостояния, должны заканчиваться победой той или иной стороны. Но это происходит далеко не всегда, а скорее наоборот, победы в политике достигаются путем компромисса и совместного поиска выхода из сложившейся ситуации, поэтому рано или поздно в политическом дискурсе появляется метафорическая модель, сферой-источником которой будут являться фреймы «бизнес» или «коммерческие отношения». Периферическое положение данной модели в американском политическом дискурсе периода «холодной войны» свидетельствует о доминирующем образе России как соперника или даже врага над образом партнера по бизнесу.

В следующем примере оба государства представлены как стороны, которые пытаются извлечь максимальную выгоду в ходе серии переговоров, посвященных их ядерным арсеналам. *Since neither the United States nor the Soviet Union was prepared to bargain away its security, arms control could only yield gains to each side that were nonthreatening in nature* [Callahan 1990: 267]. В данном примере показана суть отношений двух стран в 1970-х гг. – в период разрядки. СССР – это равный США партнер по бизнесу, с которым необходимо договариваться. *Détente remains the keystone policy, and Carter intends to try to drive a harder bargain than either Nixon or Ford* [Time, January 3, 1977].

В работе А. П. Чудинова [2003] отмечается, что в российском политическом дискурсе данная модель имеет преимущественно отрицательный эмоциональный заряд. Напр.: Потому что Кремль в глубине своей бизнес-души действительно не понимает, зачем эти базы вообще нужны [Бизнес Владимира Путина. – Internet]. Примета осени – в регионы потянулись политические коробейники [Чудинов 2003].

В отличие от российского в американском политическом дискурсе данная модель используется для описания изменений в отношениях двух стран, когда периоду открытой враждебности и нежелания договариваться пришло на смену время поиска компромиссных решений. Произошел переход от образа врага к образу делового партнера, с которым недопустимо конфликтовать и нужно уметь договариваться.

Субсфера «Природа» представлена в американском политическом дискурсе широким набором фреймов. В целях создания метафорического образа России используются фрагменты как фрейма «домашний скот», так и фрейма «хищники».

Во время «холодной войны» преобладают метафорические выражения, в которых Советскому Союзу приписываются такие качества, как свирепость и агрессивность. СССР изображается медведем, волком или тигром. Poland's rescue from the Nazi wolf, at last, was by another wolf, and this was what the exiles were being asked to accept [Halle 1967: 59].

В следующем примере СССР – это даже не волк и не медведь, а нечто среднее, пытающееся, однако, предстать перед миром в виде безобидной овечки. At the same time, however, Dulles felt compelled to warn Americans that «the new set of dangers comes from the fact that the wolf has put on a new set of sheep's clothing, and while it is better to have a sheep's clothing on than a bear's clothing on, because sheep don't have claws, I think the policy remains the same» [LaFeber 1985: 180].

Фрагменты фрейма «царство животных» также используются в качестве источников метафорических выражений, сферой-целью которых является население Советского Союза. Здесь преобладает иной концептуальный вектор. Люди изображаются безвольным стадом, подчиняющимся воле правителей и эксплуатируемым ими. В следующем примере госсекретарь США Дж. Даллес, обращаясь к прецедентному тексту, произведению Дж. Оруэлла «Скотный двор», изображает господствующую в Советском Союзе систему в виде фермы, где безропотное население трудится лишь на благо правящей верхушки, которая всячески его эксплуатирует. «Soviet Communism», Dulles said, «believes that human beings are nothing more than somewhat superior animals...and that the best kind of a world is that world which is organized as a well-managed farm organized, where certain animals are taken out to pasture and they are fed and brought back and milked, and they are given a barn as shelter over their heads» [LaFeber 1985: 148].

Слот «домашние животные» используется и для описания советской армии как стада скота. Акцентируется низкая квалификация бойцов и их плохая подготовка к ведению боевых действий, когда в случае войны под ружье ставится гражданское население и победа достигается не благодаря использованию правильно выбранной стратегии, а количественным превосходством над врагом. The creation of a larger Red

Army, any time the Kremlin might wish, would under these circumstances be essentially a matter of herding [Halle 1967: 177].

Во время перестройки хищник – это стремительные изменения, которые могут поглотить все население страны. The glasnost he unleashed has turned into a dangerous tiger for 280 million people to ride [Time, December 25, 1989]. They should worry less about what Gorbachev will do next, or what the tiger he is riding will do to him [Time, January 1, 1990].

Для изображения России в более поздний исторический период используется традиционный образ медведя, который, несмотря на хорошее отношение к нему, не платит взаимностью. We gave bear stroking a try. It did not work [Time, January 31, 1994].

Однако когда США понадобилась помощь России в борьбе с международным терроризмом, исследуемая метафорическая модель используется для выражения необходимости более взвешенного подхода к взаимоотношениям двух стран и смягчению позиции Соединенных Штатов по некоторым вопросам. In particular, they need to soothe Russian feathers ruffled during recent months as the United States threatened to proceed unilaterally with plans to build an anti-missile shield [USA Today, September 20, 2001].

В последнее время отношения власти и населения снова стало описываться в терминах отношений человека и домашнего животного. Безусловно, концептуальный вектор подобных выражений не является таким же отрицательным, каким он был в середине XX столетия, изменились и слоты фрейма «царство животных», актуализируемые авторами в качестве сфер-источников метафор. Население – это не пассивный крупный рогатый скот, который безропотно подчиняется пастуху. Демократические преобразования, а также отдельные регионы России – это лошадь, на которую надели вожжи и которая, по сравнению с коровой, является менее покладистой. Putin continues on his authoritarian path, openly rejecting the warnings received from his allies in the West, including the United States, and using old KGB tactics to keep a tight rein on Russia's young democracy [Web-site of National Center for Public Policy Research – Internet]. Although the legislative details remain unwritten, recent experience would suggest few regional bodies would dare buck the Kremlin [New York Times, September 15, 2004].

Анималистическая метафорическая модель широко представлена и в отечественном политическом дискурсе. Еще пара таких шагов – и переливающийся олимпийскими логотипами BOSCO инджекторный русский медведь будет-таки прогреть махровые задние лапы в диковинных spa средиземно-красных морей [Загадка Владимира Путина. – Internet]. Кто жил в деревне и ездил с мужиками на телеге, знает, что есть на Руси такая народная забава: взять ивовый прут и тыкать им кобылу под хвост. Ну чтоб веселей бежала! Такое впечатление, что власть принимает народ за ту самую безответную клячу и тычет ему в известное место – то новым законом, то постановлением, то судебным приговором, то новым тарифом [Аргументы и факты №7, 2006].

Фитоморфная метафорическая модель слабо представлена в аме-

риканском политическом дискурсе. В общих чертах сказанное можно отнести и к российскому политическому дискурсу.

Характерной для американского политического дискурса является метафорическая модель ИЗМЕНЕНИЯ – ЭТО ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ. Фрейм «природные катаклизмы» употребляется для описания радикальных изменений в стране и подразумевает их спонтанность и неконтролируемость. Метафорические выражения, относящиеся к этой модели, обычно появляются в американском политическом дискурсе в моменты кризисов, разрешение которых должно изменить существовавший до этого порядок вещей. That is the lesson we learn from the earthquakes in China and the Soviet Union and Lithuania and Poland and Hungary [Time, June 5, 1989].

Еще одной отличительной чертой метафорического образа России в американском политическом дискурсе является использование для его формирования солидного объема синестезических метафорических переносов. Это такие метафорические выражения, в основе которых лежит механизм синестезии или возможности восприятия посредством одних органов чувств сенсорной информации, обычно получаемой с помощью других органов чувств. Синестезия делает возможной визуализацию (слуховой, тактильной или вкусовой) сенсорной информации, то есть преобразование ее в квазисенсорные образы наглядного плана [Баранов 1994: 36]. Благодаря синестезии возникает эффект умозрительной наглядности, происходит сотворение нового, установление такого рода сходств, которые в реальном мире могут не существовать, но иметь смысл только в отношении к человеку. Таким образом, благодаря продуктивной силе воображения происходит созидание метафорических сходств, умозрительная рекатегоризация, обеспечивающая новое видение реальности. По мнению П. Рикера, «можно сказать, что действие порождающего речевого механизма в области метафоры заключается в размывании логических – или так или иначе установленных границ, благодаря которому обнаруживаются новые сходства, невидимые в рамках прежней классификации» [цит. по: Баранов 1994: 40].

Представляется, что одной из причин появления таких метафорических выражений в американском политическом дискурсе является потребность в неконфликтных метафорических выражениях, способных выразить нюансы происходящих в стране изменений. Подобные метафорические выражения описывают сложные политические явления в доступной форме, приближая адресата к миру политики, заставляя его поверить в то, что он также участвует в политической жизни. В качестве доказательства приведем несколько примеров: Since Gorbachev's ascendancy, Reagan's rhetoric had dramatically softened [Callahan 1990: 491]. В данном примере отношение американской политической верхушки к СССР выражается при помощи лексики *soften*, что позво-

ляет в краткой и доступной для широкого читателя форме выразить отношение американской администрации к советскому лидеру и всему государству в целом.

В следующем примере советские граждане выражают свою точку зрения на ситуацию, сложившуюся в стране. Лексема *pungent* имеет значение *with a strong smell or powerfully sharp or bitter taste* [Microsoft Encarta 2001]. С ее помощью автор описывает резко отрицательное отношение населения к законам, принимаемым советским президентом. As an evening snow shower dusted their faces, the supporters of change in the Soviet Union thronged Moscow's streets to deliver a pungent political message, savoring the act of public assembly in the face of Mikhail Gorbachev's order forbidding rallies, and then tramped peacefully home [Time, April 8, 1991].

Метафоры, основанные на принципе синестезии, составляют довольно значительную часть фактического материала, относящегося к периоду перестройки и современному этапу отношений двух стран. Данный тип метафор хотя и был представлен в американском политическом дискурсе периода «холодной войны», имел в нем явно маргинальный статус. Концептуальный вектор метафорических выражений, относящихся к данному типу, коррелируется контекстом. Нам представляется интересной мысль американского исследователя Н. Хоуи об ограниченности милитарных и спортивных метафорических моделей в американском политическом дискурсе [Howe 1988]. Подобные модели выдвигают определенные требования к продуценту. Проблема заключается в том, что для использования метафорических выражений, имеющих сферой-источником фреймы «спорт» или «война», он должен обладать солидным запасом знаний об этих фрагментах окружающего его мира. Традиционно считается, что те виды спорта, которые занимают лидирующие позиции в американском политическом дискурсе с точки зрения использования в качестве источников метафорических выражений лексем, связанных с ними (напр. американский футбол, бейсбол, бокс), являются прерогативой мужской части населения США. То же можно сказать и о милитарной модели. Таким образом, институциональный дискурс политики накладывает определенный отпечаток на его пользователя. Другим общеизвестным фактом является борьба женщин в США за равные права с мужчинами и приход женщин в большую политику. Представляется, что этот факт мог повлиять на изменение структуры американского политического дискурса, став последствием большей открытости политики, доступ в которую более не ограничивается по половому признаку. Появление метафорических выражений, основанных на принципе синестезии, является очередным доказательством наличия эволюционного развития дискурсивного пространства [Казыдуб 2005]. Эпоха конфронтации в отношениях двух стран сменилась эпохой сотрудничества, поэтому весь потенциал метафори-

ческих моделей, применявшихся для придания СССР образа врага, оказался выработанным. Это обусловило появление новых неконфликтных метафорических моделей, а следовательно, и новых культурологических фреймов, предлагающих новые способы концептуализации и категоризации окружающего мира. Данный вопрос требует более детального рассмотрения. Так или иначе, доля метафор, основанных на принципе синестезии, используемых для описания России в конце XX века, значительно возросла по сравнению с политическим дискурсом периода «холодной войны».

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать вывод о динамичном характере метафорического образа России в американском политическом дискурсе, о чем свидетельствует как появление новых метафорических моделей в разные периоды отношений между двумя странами, так и актуализация в эти периоды различных фрагментов одних и тех же фреймов и сценариев. Наряду с этим, представляется возможным выделить и ряд устойчивых сочетаний сфер опыта, присутствующих в дискурсе всех рассмотренных периодов. В дополнение необходимо отметить наличие в американском политическом дискурсе исследованного периода как универсальных метафорических моделей, встречающихся также и в отечественном политическом дискурсе, так и ряда культурноспецифических моделей.

Мы не ставили своей целью регистрацию и описание всех метафорических моделей, встречающихся в политическом дискурсе исследуемого периода. Однако выделение основных метафорических моделей позволяет сделать вывод об основных концептуальных векторах высказываний о России, а следственно, и способах ее восприятия в той части общества, картина мира которого формируется под влиянием СМИ.

Мы отдаем себе отчет в значительной исторической протяженности исследуемого нами периода, а также в наличии динамики в метафорическом образе СССР и России внутри выделенных нами периодов, анализ каждого из которых мог бы стать предметом отдельного исследования. Перспективным представляется также изучение как отдельных метафорических выражений, не составляющих отдельную метафорическую модель, так и метафорических моделей, имеющих универсальный и культурноспецифический характер с их последующим лингвокультурологическим анализом. Подобные исследования позволят получить новые данные относительно значимости определенных концептов в различных культурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Feiler D. Anti-Abortion Rhetoric and Cold-War Rhetoric: Metaphor and Strategy. (1996) <http://www.psa.ac.uk/cps/1996/feil.pdf>
- Howe N. Metaphor in contemporary American political discourse. // Metaphor and Sym-

bolic Activity, 1988 #3(2). – P. 87-104.

Medhurst M.J. (Ed.) Cold War Rhetoric. NY: Greenwood Press, 1990. – 240 p.

Баранов А.Н. Предисловие редактора: Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 7-21.

Баранов Г.С. Роль метафоры в теории познания и репрезентации социальной реальности (философский анализ). – Дис. ... д-ра философ. наук, Новосибирск, 1994. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 116-133.

Казыдуб Н.Н. Концептуальные основы моделирования дискурсивного пространства // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. Т.3. Вып. 1. – С. 32-35.

Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

Рогозина И.В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики. Сб. статей. – Москва; Барнаул, 2003. – С.121-137.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.

Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып.5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Когнитивная лингвистика. – 2004. – №1. – С. 91-102.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. – 248 с. <http://www.philology.ru/news.htm>

Чудинов А.П. Национальная ментальность и метафорическое моделирование политической ситуации // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Н. Н. Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2005. – С. 363-373.

Чудинов А.П. Реализация метафорической модели как сверхтекст // Текст-2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы: Материалы Всероссийской научной конф. Часть I / УдГУ. Ижевск, 2001а. – С. 163-166.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург: Урал. госпедуниверситет, 2001б. – 238 с.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ

Callahan D. Dangerous capabilities. NY: HarperCollins Publishers, 1990. – 572 p.

Gunther J. Inside Russia today. NY: Harper & Brothers, 1957. – 550 p.

Halle L.J. The cold war as history. New York and Evanston: Harper & Row Publishers,

1967. – 434 p.

LaFeber W. America, Russia, and the Cold War 1945 - 1984. NY: Alfred A. Knopf, 1985. – 348 p.

Пресса: Аргументы и факты, Известия, Комсомольская правда, Литературная газета, Российская газета, Foreign Policy, New York Times, Time, USA Today, Washington Post.

Бизнес Владимира Путина <http://lenta.ru/articles/2005/11/08/business/>

Загадка Владимира Путина <http://lenta.ru/articles/2006/03/06/riddle/>

Самая удачная сделка Абрамовича <http://lenta.ru/articles/2005/09/28/kupil/>

National Center for Public Policy Research. <http://www.nationalcenter.org>

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Microsoft Encarta World English Dictionary 2001. Encarta® World English Dictionary © & (P) 1987 - 2000 Microsoft Corporation.

© Пшенкин А. А., 2006

Спиридовский О.В.

Воронеж, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА В США, ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

Abstract

The article is aimed at studying the phenomenon of intertextuality in the intercultural aspect.

The author deals with the presidential political discourse and considers intertextuality of different types to be an important part of political communication.

***

Теоретическая интерпретация понятия интертекстуальности. В основе понимания феномена интертекстуальности лежит концепция диалогизма М.М. Бахтина, а именно его идея несобственно-прямой речи. Несобственно-прямая речь в трактовке М.М. Бахтина занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью. С одной стороны, она принадлежит автору, оформлена как косвенная речь, но в то же самое время содержит цитирование-вкрапление, явное или скрытое. В каком-то смысле каждый из нас действительно говорит словами из ранее созданных текстов (хотя далеко не всегда делает это намеренно), и поэтому процессы порождения и понимания дискурса невозможны без опоры на уже известные тексты и сопутствовавшие их возникновению дискурсивные ситуации. Это тем более верно в отношении межкультурного общения, когда самое точное знание языкового кода оказывается недостаточным для понимания тех высказываний, которые содержат ссылки на известные в определённой лингвокультуре тексты или феномены.

Исследования М.М. Бахтина способствовали активному изучению феномена интертекстуальности во второй половине XX века в работах французских семиологов Р. Барта и Ю. Кристевой. Ю. Кристева считается первым автором, употребившим термин «интертекстуальность»